

— Чем дольше ты носишь в себе какую-то боль, тем сильнее подвержена чуждому влиянию. Тебе нужен кто-то, кто сможет прекратить страдания — и тебе не важно уже, каким способом.

Женищина лет сорока в длинной темной юбке и белой накрахмаленной рубашке с закатанными по локоть рукавами поправила тяжелый узел волос на затылке и повернулась к собеседнице, одарив ее теплой улыбкой.

Собеседница, девушка лет двадцати пяти, сидела в большом кресле с высокой спинкой и цеплялась пальцами за подлокотники с такой силой, что побелели суставы. В глазах ее плескался ужас, и даже мягкий голос женщины, ее плавные манеры и теплая улыбка не уменьшали страха в душе девушки.

— Тебе ведь было плохо там, правда? Вечное затворничество, одиночество... некому открыть душу, не с кем разделить мысли. Но теперь ты среди своих, дорогая. Ничего не бойся, — голос женщины обволакивал, как паутина, — это ощущение вязких нитей на лице она помнила с детства, ког-

МАРИНА КРАМЕР

да ходила за грибами с бабушкой и попадала в кустарник или заросли густой травы. — Тебя здесь никто не обидит, тебя поддержат и поймут. Ты будешь одной из нас. И твоя боль постепенно уйдет, ее место займет радость. Посмотри на меня, — велела женщина, и девушка повиновалась, подняв голову и глядя в глаза говорившей.

Под пронизывающим насквозь взглядом светлых серых глаз стало сперва очень страшно, но потом вдруг пришел покой — накатывал, как морская волна, обнимал, увлекал за собой, заставляя повиноваться его воле, впадать в блаженство, не испытывать ничего, кроме вот этого — полного покоя и чувства защищенности.

Она — среди своих. Нет одиночества, нет страха, нет ничего. Нет боли. И все остальное уже совершенно не важно.

Город Уйгууна, где-то на Севере

— Ну, как ты тут? — Она привычным жестом поправила одеяло, коснулась безжизненной руки, лежавшей поверх него. — Выглядишь неплохо, только бледный очень. Ну, ничего, через недельку можно будет тебя на веранду вывезти, подышишь, на солнышке погреешься.

Девушка в розовом хлопковом костюме, сидевшая у небольшого столика и делавшая какие-то записи в компьютере, только головой покачала.

Эти монологи она слышала каждый день, и от них порой становилось жутковато, но вера ее работодателя в то, что муж рано или поздно выйдет из комы, вызывала даже уважение.

Шансов на это не было никаких, и доктора, приезжавшие в этот дом каждую неделю, всякий раз аккуратно говорили хозяйке об этом, но она словно не слышала, не хотела слышать, отгоняла от себя негативную информацию. Не поверила она даже специально привезенному из Москвы профессору-неврологу.

МАРИНА КРАМЕР

Тот, натолкнувшись на холодный, наполненный решимостью взгляд довольно еще молодой женщины, слегка смешался и пробормотал что-то вроде «если чудеса происходят, то все может быть» и отбыл благополучно в свою столицу, увозя банковскую карту с внушительной суммой денег на ней.

— Анна Андреевна, я там список препаратов составила, которые заканчиваются, — осторожно произнесла девушка, закрывая файл.

— Хорошо, Света, отдайте его Оксане Михайловне, она все привезет. Кто вас сменил сегодня?

— Юля.

— Хорошо.

Женщина погладила лежавшего на кровати мужчину по щеке, ласково улыбнулась, словно он мог это увидеть, и пошла к двери.

Светлана уловила аромат ее духов — терпкий, горьковатый, больше похожий на мужской. Она работала в этом доме уже три года, и за все это время хозяйка ни разу не сменила духи, удивляя девушку таким постоянством.

Подойдя к большому окну, Светлана чуть отодвинула молочного цвета органзу и увидела, как хозяйка идет по выложенной брусчаткой дорожке к воротам, которые уже открыты, а за ними на улице виднеется крыло серебристого джипа.

Через пару минут ворота поползли в сторону, отрезая улицу от двора, значит, Анна села в машину и уехала на комбинат, теперь ее не будет до вечера.

Дверь распахнулась, и в комнату вошла чуть полная женщина лет пятидесяти в свободном сером свитере и черных брюках. В руке она держала блокнот.

СИНДРОМ БЕСКОНЕЧНОЙ РАДОСТИ

— Света, список давай, — произнесла она низким голосом, — я в город поехала. Что-то нужно еще?

— Нет, только препараты. — Светлана взяла с принтера распечатанный список и протянула женщине. — Вечером Юлька застывает.

Женщина чуть поморщилась:

— Когда уже Анна ее рассчитает, а?

— Оксана Михайловна, вы к Юльке, по-моему, просто придираетесь, — улыбнулась Света, наблюдая, как управляющая прячет ее список в обложку блокнота.

— Вот родишь сына, вырастишь, воспитаешь, а потом чтобы к нему такая вот Юлька приклеилась — тогда и поговорим, — сухо отозвалась Оксана Михайловна.

— Ну а чем Юлька плоха? Образование есть, профессия отличная, всегда востребованная. С собой хороша, готовит, как в ресторане, чистюля, — продолжала улыбаться Светлана, которой нравилось вот так поддразнивать управляющую. — Вам, похоже, любая невестка будет не ко двору, и Юлька тут ни при чем.

Оксана Михайловна только рукой махнула и вышла из комнаты, плотно закрыв за собой дверь.

Дорога в город пролегла между снежных завалов, таких высоких, что образовывался тоннель без крыши. Каждый год эту дорогу приходилось вырубать заново, едва начинались снегопады. Сейчас, в середине весны, снег уже выглядел не белоснеж-

МАРИНА КРАМЕР

ным, а грязно-ноздреватым, и стенки тоннеля напоминали губку.

Анна могла бы жить в городе, где имелась большая, хорошо обставленная квартира в охраняемом доме, но продолжала каждый день ездить пятнадцать километров туда и обратно в поселок, именуемый среди местных «северной Рублевкой».

В разгар зимы это казалось особенно неоправданным, морозы порой достигали минус пятидесяти и больше, но Анна все равно продолжала эти поездки, отмахиваясь от уговоров своего заместителя Валерия Зотова, настаивавшего на том, чтобы она хотя бы зиму пережидала в условиях города и не рисковала остаться среди заснеженной трассы в мороз во внезапно остановившемся автомобиле, например.

— Я не езжу одна, — отмахивалась Анна, — у меня отличный водитель-профессионал, он за машиной следит, как за ребенком. И потом, в поселке Владлен...

— Аня, Владлену, уж извини за прямоту, совершенно все равно — приедешь ты домой или нет.

— А тебе, значит, не все равно? — щурила она карие глаза, умело подведенные тонкими «стрелками».

— Не понимаю тебя, — Валерий злился, чувствуя, что в очередной раз проиграл схватку, — ну чем не жизнь в городе, а?

— Нет! — неизменно обрубала Анна, и заместитель унимался на какое-то время, чтобы потом снова вернуться к этому разговору.

Ровно год понадобился Анне, чтобы хоть как-то принять то, что муж, Владлен Витольдович Мецлер, теперь намертво прикован к кровати и аппарату ис-

СИНДРОМ БЕСКОНЕЧНОЙ РАДОСТИ

кусственного дыхания после аварии на возглавляемом им комбинате.

Во время выездного совещания в одном из цехов вдруг сорвалась с рельсов вагонетка и придавила стоявшего как раз на ее пути Мецлера. До больницы его успели довезти, но в себя владелец комбината так больше и не пришел. Анна оказалась владелицей контрольного пакета акций и председателем совета директоров, к чему была не очень готова, хоть и имела неплохое экономическое образование. Но опыта управления золотодобывающим комбинатом у нее не было совершенно. К счастью, был еще Зотов, заместитель Владлена Витольдовича и близкий друг, который помог Анне довольно быстро во всем разобраться.

Члены совета директоров не особенно обрадовались появлению Анны в кресле председателя, но смолчали — контрольный пакет делал ее неуязвимой, а ссориться с Зотовым никто не хотел.

Анна, будучи женщиной неглупой, тоже постаралась сгладить все острые углы, и комбинат удержался на плаву даже без Владлена, но в последнее время ее не покидало ощущение, что вокруг комбината происходит что-то непонятное. А потом ей поступило предложение о слиянии от крупного золотодобывающего холдинга.

Рассмотрев все предложенные условия и посоветовавшись с членами совета директоров, Анна отказалась от сделки, и Зотов ее поддержал, мотивируя это тем, что чужаки начнут заправлять здесь иначе, чем принято за долгие годы.

МАРИНА КРАМЕР

Градообразующий комбинат сделал жизнь в большом северном городе настолько комфортной, что уже давно местная молодежь не уезжала отсюда, без проблем находя и учебные заведения, и рабочие места. Комбинат оказывал поддержку тем, кто хотел учиться в столичных вузах, но с условием обязательной отработки в родном городе не менее пяти лет по выбранной специальности, предоставлял жилье и подъемные. Мало кто покидал город по истечении срока контракта.

«Маленький северный рай». Никак иначе Уйгууну и не называли, даже жители, рассказывая кому-то о месте своего проживания, употребляли это выражение, ставшее здесь чем-то вроде слогана.

Комбинат вкладывал деньги во все сферы — в здравоохранение, в культуру, в образование, а уж к благоустройству руководство относилось как к ремонту в собственных домах.

Короткое северное лето не особенно баловало горожан обилием зелени или цветов, но даже за этот небольшой промежуток времени в городе буйствовали краски, благоухали клумбы и кое-где даже имелись тенистые аллеи из деревьев, кроны которых были особым образом наклонены друг к другу наподобие арок. За чистотой следили так, словно это были не улицы, а операционная, по вечерам город ярко освещался множеством фонарей и разноцветной подсветкой витрин.

Сейчас, утром, город тоже выглядел отлично — снег уже начал таять, но еще лежал белыми шапками на крышах и ветвях деревьев, дворники расчищали тротуары там, где не успели, дороги в идеальном со-

СИНДРОМ БЕСКОНЕЧНОЙ РАДОСТИ

стоянии — снегоуборочные машины работали по ночам, готовя проезжую часть к утреннему потоку машин.

Мэр города, энергичная женщина средних лет, каждый день лично выезжала то на одну, то на другую улицу, чтобы убедиться, что работы везде ведутся одинаково тщательно — и в центре, и на окраинах.

Анна, рассеянно глядя в окно машины, подумала, что скоро день города, праздник, который здесь принято отмечать с размахом, и комбинат обязательно приглашал кого-то из столичных «звезд», оплачивал салют и мероприятия, проводимые мэрией для горожан.

«Надо смету запросить, — подумала она, доставая из сумки ежедневник и ручку. — Посмотрим, сколько Саяна в этом году запросит».

Саяна Угубешева, мэр, обычно смету слишком уж не завышала, но небольшую сумму сверх необходимой всегда закладывала. Анна закрывала на это глаза, зная, что деньги эти мэрша не складывает в собственный карман, а отдает в фонд поддержки малых народностей, который возглавляет ее дочь.

Сылдыз Угубешева была близкой подругой родной сестры Анны, они проводили много времени вместе, и Анна всегда надеялась, что серьезная Сылдыз повлияет на Дарину, легкомысленную и совершенно не желающую думать о завтрашнем дне.

Мысли о сестре заставили взяться за телефон — утром Анна не увидела Дарину за завтраком, а вчера та слишком поздно вернулась домой, в который раз проигнорировав просьбу Анны не мотаться на машине ночью по зимней дороге.

МАРИНА КРАМЕР

— Анька, ну что ты за человек... — после восьмого гудка заныла в трубку Дарина. — Еще даже девяти нет! Я легла почти в четыре...

— Вот я как раз об этом и хочу поговорить. Мне отобрать ключи от машины?

— Ой, да отбери! — мгновенно проснулась сестра и кинулась в атаку. — Отбери! Лучше на такси ездить, чем каждый раз выслушивать твой нудеж по поводу машины! Надоела ты со своими нотациями! Я взрослый человек, что — не могу в клубе в свое удовольствие потусоваться?!

— Так, может, для разнообразия ты на работу устроишься, раз уж совсем взрослая?

— Куда?! Куда я в этой чертовой дыре устроюсь на работу, а?!

— А зачем ты институт бросила? Получила бы диплом и без проблем пошла бы...

— Ага — английский местным детишечкам преподавать! — перебила Дарина. — Тоже мне — перспектива! Ты меня еще сошли куда-нибудь в стойбище!

— Я бы и рада, да кто ж тебя примет... Дарина, я серьезно — прекрати эти загулы, добром не кончится.

— А, ну да, у нас же наследственность! — фыркнула сестра. — То-то ты спиртного в доме не держишь. Боишься?

— За тебя — очень, — подтвердила Анна, чувствуя, как начинает болеть голова. — Хоть бы на Сылдыз посмотрела. Вроде ровесницы, а ощущение, что ты моложе лет на десять, как подросток себя ведешь, к тому же — проблемный.

СИНДРОМ БЕСКОНЕЧНОЙ РАДОСТИ

— Сылдыз! А что — Сылдыз? Нашла пример! Да если хочешь знать, не живи я в этой заднице мира по твоей милости, так такую Сылдыз точно за километр бы обходила! Лицемерка!

— Погоди-ка... — Анна почувствовала, как сердце стало биться чаще. — Ты что — пьяна? Сколько же ты выпила?

— Меньше, чем хотела! Ты же и об этом позаботилась, сестричка, — чтобы в каждом баре этой дыры меня знали в лицо и больше трех стопок не наливали! — рявкнула Дарина.

— От трех стопок ты уже должна бы проспать. Так сколько?

— Отвали! Просто — отвали! — заорала сестра и бросила трубку.

Анна уронила телефон на колени и закрыла лицо руками.

С каждым днем Дарина планомерно превращалась в огромную проблему, и теперь Анне уже не казалась такой уж удачной мысль привезти сестру сюда.

«Может, мне не стоило вмешиваться? Может, нужно было отпустить ее в тот момент, когда она заговорила об этом? — думала она, раскачиваясь вперед-назад. — Зачем я заставила ее вернуться, когда она институт бросила? Побоялась, что дров наломает? Так она и тут справляется — дай боже... Но здесь я хотя бы могу держать это все под контролем, а там... Конечно, она бунтует и сопротивляется, но другого выхода нет. Жить она будет здесь и по моим правилам, чтобы не оказаться в яме, как наша мать».